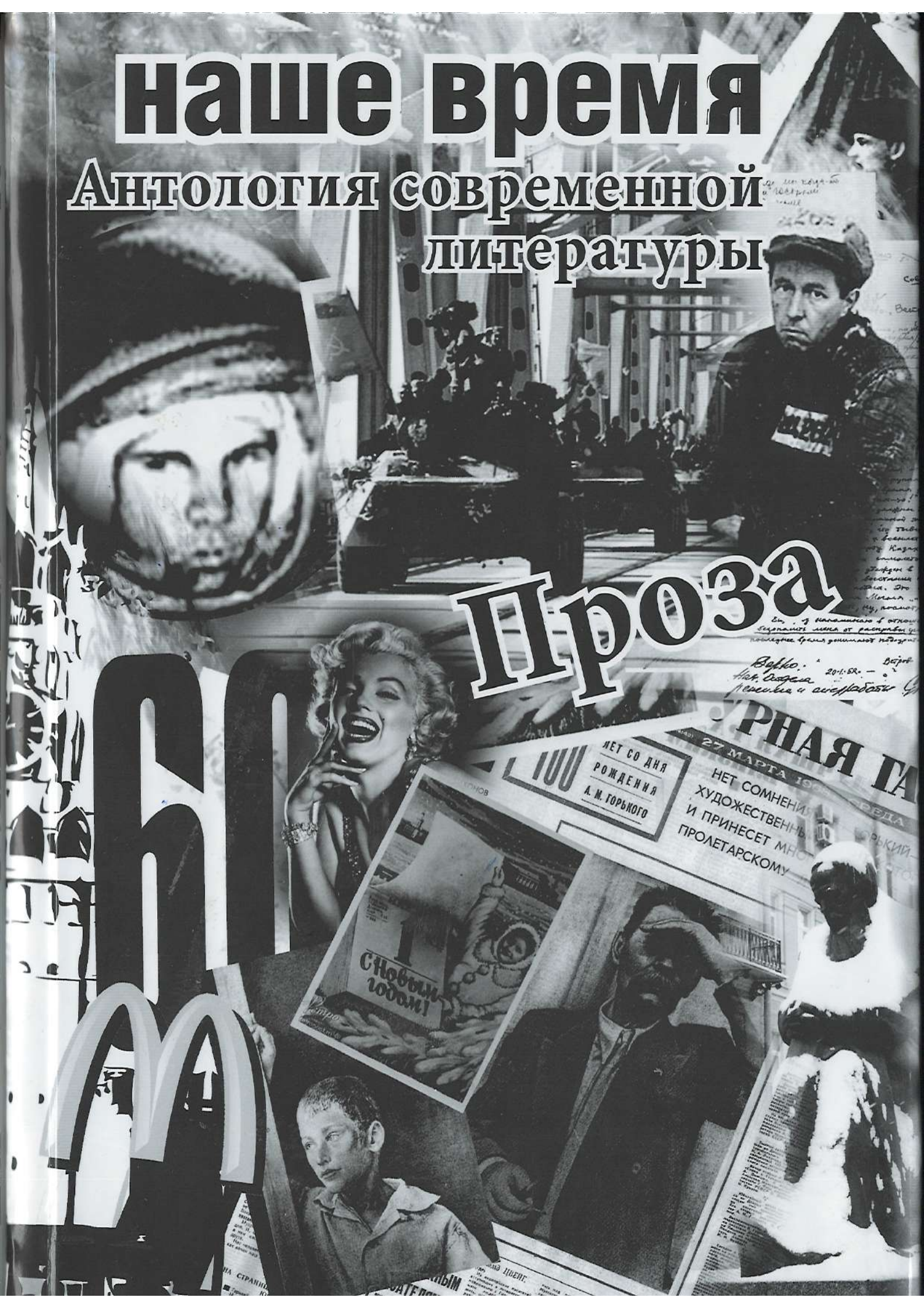

наше время

Антология современной литературы

Проза

Виктор...
 Ник...
 2011-58...
 Письма и афоризмы

100 ЛЕТ СО ДНЯ
 РОЖДЕНИЯ
 А. М. ГОРЬКОГО

27 МАРТА 1958
 ПРЯНАЯ ГА
 НЕТ СОМНЕНИЙ
 ХУДОЖЕСТВЕННЫМ
 И ПРИНЕСЕТ МНОГО
 ПРОЛЕТАРСКОМУ

11 Снобым годом!

ФРОЛОВ
Андрей Владимирович
(Орёл)

ПОЧТИ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Родился 22 февраля 1965 года в Орле. Мама — инженер, отец всю жизнь работал слесарем. Годы детства запомнились обычным для детворы семидесятых страстным увлечением хоккеем и футболом.

В 1975 году семья переезжает из частного домика на улице Грузовой в новую квартиру в Советском районе Орла. «Ходил в детский сад на улице Пушкина, учился в школе на улице Горького — грех было не начать писать...» — шутливо говорит о своём детстве Андрей Фролов в одном из интервью. Знакомство с книгами произошло довольно рано: в шесть лет мальчик

уже зачитывался рассказами о военных подвигах советских лётчиков и танкистов. Настоящая любовь к литературе созрела в старших классах средней школы. Пушкинский «Евгений Онегин», блистательный «Василий Тёркин» Твардовского «понуждали» братья за перо и пробовать, пока только пробовать, подражать. Татьяна Алексеевна Сидорова — учительница литературы привила юноше способность мыслить образно. Закончив восемь классов, в 1980 году Андрей поступает в Орловский строительный техникум. Почему в строительный? Просто за компанию с друзьями. Тогда он ещё не знал, что потом строительство прочно впяется в его трудовую жизнь. Стихи уже пишутся самые разные и много. Андрей увлечён творчеством Владимира Высоцкого, к тому времени уже умершего, пытается писать песни, которые исполняются во дворе друзьями под гитару.

Два года службы в танковых войсках, а потом женитьба и рождение детей вовсе не мешают продолжать писать стихи. Не вынуждают бросить перо и неудачные попытки «пристроить» свои произведения в столичные журналы.

После службы в армии Андрей Фролов три года трудится на «Заводе приборов» и уходит снова в строительство: работает плотником в строительных кооперативах, в мебельно-строительной фирме... — начались трудные 90-е, нужны деньги, чтобы обеспечить семью. В это время при содействии друзей в «Орловской правде» и «Центральной России» появляются его стихи. Но сам Андрей теперь не считает их первой публикацией — они слабы и беспомощны. Настоящая первая серьёзная публикация ещё впереди.

С 1996 по 2000 год Андрей Фролов работает на заводе «Текмаш» инженером по охране труда. В этот период судьба сводит его с известным в Орле поэтом Вадимом Ерёмин, который находит в ворохе бумаги, исписанной молодым человеком, хорошие строчки и начинает активно помогать Андрею в работе над стихами. Именно В. Ерёмин в дальнейшем организует первые публикации поэта в региональных и центральных изданиях, станет редактором первой книги А. Фролова, и уже не только наставничество, а настоящая мужская дружба продлится долгие годы.

Творческий семинар молодых литераторов, состоявшийся осенью 1997 года в Орловской областной писательской организации, приносит первую удачу: стихи Андрея Фролова замечены серьёзными орловскими писателями. Затем

следует приглашение на подобный семинар в Москве, по результатам которого Андрею рекомендуют издать авторский сборник. А в апреле 1998 года Вадим Ерёмин помогает молодому поэту опубликовать первую, уже по-настоящему серьёзную, подборку стихов в газете «Просторы России», предварив её словами: «Поэтическое становление А. Фролова отличают упорство в постижении тайн литературного мастерства, свой оригинальный — то лукаво-ироничный, то элегичный — взгляд на обычные жизненные реалии, раскованность в раскрытии тем и образов».

В 2000 году увидела свет первая книга. Её издание стало возможным благодаря помощи директора завода «Текмаш» Александра Петровича Литвинова и областной писательской организации. Стихи, а затем и рассказы, Андрея начинают активно публиковать орловские газеты. Появляются публикации и в столичных изданиях.

В 2003 году по рекомендации В.Г. Ерёмина, В.М. Катанова и Н.И. Родичева Андрея Фролова принимают в Союз писателей России, а в 2004 году в орловском издательстве «Вешние воды» выходит его вторая книга «Над крышей снова аисты». В этой книге целый раздел отведён стихам о детях и для детей. Поэт вспоминает свои детские годы и внимательно приглядывается к детворе нынешней, поэтому стихи получаются яркими, живыми и, судя по выступлениям перед маленькими читателями, интересными детям.

Несмотря на то, что Андрей Фролов больше работает для взрослого читателя (в мае 2006 года в издательстве «Вешние воды» вышел сборник рассказов, и почти уже закончена новая книга «взрослых» стихов), поэт всерьёз мечтает о детской книжке.

Андрей Фролов с 2007 года работает в областном государственном учреждении культуры «Орловский Дом литераторов» — ныне заместитель директора. Член правления Орловской областной организации Союза писателей России, соруководитель литературного объединения при областной писательской организации, литературный консультант редакции «Орловской правды».

Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды» (2009), дипломант Международного поэтического конкурса ко Дню славянской письменности и культуры (Шымкент, 2008). Награждён Почётной грамотой Орловского городского Совета народных депутатов (2008).

Свой творческий путь большим не считает. 13 лет серьёзной работы в литературе: два стихотворных сборника и книга рассказов — наверное, это не так уж много. Но ничего бы не поменял в прошлом. «Это же моё прошлое, — говорит А. Фролов. — И оно, как и настоящее и будущее — тоже частичка истории. Непростые условия жизни на сломе двух исторических эпох не смогли сбить меня с пути. Что помогало? Спасибо маме с папой и тем хорошим людям (их было больше, чем плохих), которые встречались на моём пути».

2 апреля 2010 г.

МОГИЛА

Рассказ

К середине сентября Белка занедужила, а двадцать четвёртого утром околела. Как лежала последние дни не поднимаясь возле печки, так и сдохла. Белка была стара, как сам Никитич, но старик всегда думал, что помрёт первым, и сильно переживал: как же собака останется без него, одна. И вот...

Никитич долго и бездумно сидел на низенькой табуретке перед собачьим трупом. Сам не заметил, как задремал, — просто выпал на время из пространства, и всё.

Очнувшись, маятно топтался по горнице, шаркая по некрашеным половикам стоптанными ботинками. Таким кружным манером Никитич добрался до чулана и, откинув тяжёлую крышку дедовского сундука, стал перебирать хранящийся там скарб. Бережно доставал свадебный свой костюм, женины платья и кофточки, невесть как затесавшиеся в старый сундук почти новые современные джинсы внука Вовки. Вещи Никитич разворачивал, долго и придирчиво оглядывал, вдыхая нафталиновый дух, снова сворачивал и складывал аккуратной стопкой на стоявшую рядом лавку. Почти на самом дне лежала шинель, в которой с войны вернулся. Тогда, в июле сорок пятого, их роту только переобмундировали, а через неделю приказ: по домам. В дороге из далёкой Австрии шинель маленько, конечно, износилась, истёрлась по теплушкам да попуткам, но, следующие полсотни лет пролежав в сундуке крепко пронафталиненной, была теперь точно новая.

В горнице Никитич встряхнул шинель, подумав немного, срезал острым ножом подрастерявшие былой блеск «гербовые» пуговицы и ссыпал их в карман штанов. Сержантские погоны трогать не стал. Он завернул в шинель закоченевшую уже Белку и, ступая осторожно и тяжело, понёс её в сад...

Никитич взял Белку озорным полуторамесячным кутёнком у Славки-охотника с той стороны деревни. Сколь лет-то прошло? Пятнадцать? Нет, семнадцать. Как раз в сентябре это было, полгода спустя как похоронил жену. Сын Серёга тогда уже работал в городе и домой навещался нечасто, а Никитич вдруг затосковал, невмоготу стало без живой души рядом...

Положив Белку на пригорке промеж двух яблонь, старик вернулся к сараю за лопатой. Долго громыхал садовым инвентарём, переставляя с места на место стоявшие вдоль стены грабли, вилы, тяпки, поправляя висевшую тут же никчёмную теперь конскую сбрую — лошади в его хозяйстве не было, почитай, лет тридцать. Наконец выбрал подходящую лопату и вдруг всполошился, заторопился к оставленной без присмотра Белке.

Постояв немного, слезливо глядя вдаль, Никитич разметил контур могилы и неторопливо начал копать. Усталое сентябрьское солнце, взобравшись на вершину своей горы, вконец обессилело и стремительно покатилося вниз, к горизонту, будто стремясь быстрее достичь края Земли и сбежать куда-нибудь в Америку...

Когда Серёга с молодой женой перебрался из общежития в отдельную двухкомнатную квартиру, выделенную заводом, он звал Никитича в город, говорил:

— Что ж ты, батя, будешь тут один как сын жить? Посмотри, от деревни ничего не осталось — все теперь в городе. Цивилизация, прогресс... На месте не стоим...

— Не поеду, — отрезал Никитич. — Куда от своих могил? Аннушка, мамка твоя, здесь, мои: мать, да дед с бабкой... И не один я — у меня, вон, Белка теперь есть. А ещё, вишь, там, за ручьём, Макариха с Дашкой Марусиной живут, не делясь никуда. Да и Славка-охотник неделями в хате старой своей... А ты говоришь...

В следующий приезд Серёга пригрозил отцу увезти его силой. Никитич только пуще заупрямился, обиделся. Потом у сына родился свой сын, приезжать Серёга стал ещё реже: некогда, забот прибывало, стало не до капризного старика...

Копал Никитич усердно, истово, как молился. Поверху попадались толстые корни, перерубать их лопатой у старика не было сил. Тогда он становился на колени и отчаянно тюкал пружинистые деревянные топором. И снова вгрызался в землю, вспоминая, сколько перелопатил её, родимой, на войне, отрывая всяческие сапёрные коммуникации и укрытия, копая другие могилы, чаще братские.

Поначалу края ямы не слушались, норовили осыпаться, но потом пошла глина и могила стала обретать чёткие прямоугольные очертания, становилась глубже и шире. Никитич, сам того не желая, копал могилу под размер человеческий, а не собачий.

Ровняя лопатой глинозёмные стенки, он вдруг обнаружил, что яма глубиной ему уже выше пояса. Тут Никитич понял, как сильно он устал, и присел на корточки в углу могилы. Он даже не почувствовал, как земля с рыхлых краёв потекла за ворот.

Приятно пахло сырой землёй. Никитич сидел, с невесёлым интересом глядя на снующих вокруг измочаленного топором яблоневого корня муравьишек. Мураши думали, что заняты каким-то важным и ответственным трудом, а на самом деле — так, суетились, таская туда-сюда свои бледные яйца из порушенного муравейника. Так и люди: мыкаются по свету, бегут куда-то, подгоняемые то радостью, то бедой...

Никитич уснул — голова его мотнулась на ослабевшей шее и упёрлась в земляную стену. Путаясь в серых всклокоченных волосах, по голове побежали муравьи, которым до холодов нужно было успеть построить новый дом...

Давно уже покоится в земле Макариха. Дашка Марусина, не выдержав безлюдья, сбежала в город, к сестре. Славка-охотник спился и на охоту больше не ходит, а значит и в деревне не показывается уже лет десять. Никитич недавно ходил смотрел: хата Славкина — он и прежде-то хозяин был кое-какой — совсем обветшала, собаки, одичав, разбрелись по округе пугать ночную тишь волчиным воем. Остался Никитич в деревне один.

«Как сын», — говорит сын Серёга. Он теперь шофёром работает, возит какого-то городского начальника. Сын давно уже бросил уговаривать отца переехать в город, да и жилищные условия теперь, видать, стали тесные. Правда, приезжать стал чаще — в три недели раз. Серёга получает за родителя в райцентре фронтную пенсию и привозит ему еду: крупы всякие, макароны да тушёнку. Погреб у Никитича хороший — даже ливерная колбаса долго хранится.

Иногда летом сын привозит на неделю-другую Вовку. Никитич этому рад, но, беда: никак не может совладать с хмурым своим норовом, и внуку быстро надоедает гостить у деда. А что ж, мальцу уже пятнадцатый год — ему развлечения подавай. А где их взять в обезлюдной деревне?..

Пробудился Никитич от холода и тут же стал корить себя за недоделанную работу. Уже смеркается, а Белка так и лежит в шинельном саване, непохороненная. Кряхтя и цепляясь за черенок лопаты, старик поднялся, как-то отстранённо подумал, что выбраться из могилы у него уже не хватит мочи, и принялся размеренно, будто в полусне, углублять страшную яму.

В следующий раз остановился, когда до края уже едва мог достать рукой. Выбрасывать наверх землю стало трудно. Сквозь безлистые уже яблоневые ветки в яму равнодушно смотрел змеиный глаз луны, тишина нарушалась только неясными шуршаньями на поверхности, за краями ямы, там, где всё ещё лежала Белка. Снова забеспокоился Никитич, зашарил скрюченными пальцами по земляным стенам. Разогнулся, насколько смог, даже на цыпочки привстал, нащупал наверху край грубого сукна и потянул к себе.

«Так и будем тут с моей Белкой, вместе», — деловито рассуждал Никитич, изо всех сил таща свёрток к краю ямы и отплёвываясь от летевшей в лицо земли.

Вдруг старик понял, что силы его покинули и больше уже не вернуться. Он сполз всё в тот же могильный угол и неслышно заплакал. Необыкновенно светлые от луны слёзы медленно ползли по небритым морщинистым щекам и прятались в глубоких складках на шее.

Белка так и осталась на полпути к своему последнему пристанищу...

— Ты что удумал, старый?! — лохматый луч фонарика пробежал по стене ямы и упёрся в скорчившегося в углу Никитича. — Сам себя похоронить решил? А ну-ка...

Серёга за руку легко выдернул отца из могилы, поставил на ноги и, подхватив под мышки, поволок вниз с пригорка, к хате.

— Я тебе продуктов привёз... Днём времени не было, — приговаривал Серёга, удобнее перехватывая невесомое тельце старика. — А ты тут похороны устроил... Я те дам похороны!..

Никитич семенил слабыми ногами, спотыкаясь о корни, непонятно отчего редко всхлипывал и шептал невнятно:

— Белка сдохла... Померла...

Июнь 2005

ПРОЕЗДНОЙ

Рассказ

Он светился на затоптанном троллейбусном полу. В грязном месиве, принесённом десятками ног с февральской улицы, белел чистеньким квадратом и магнитил глаз.

Лёнька огляделся, пытаясь определить, кто обронил бумажку. Хмурые утренние пассажиры сидели и стояли, глядя внутрь себя. Пожав плечами, он

медленно, всё ещё надеясь, что растяпа отыщется, нагнулся и поднял картонный прямоугольник. На нём золотисто поблёскивала цифра «два». «На февраль», — отметил Лёнька и машинально глянул на часы, хотя и так знал, что сегодня двадцать девятое февраля — день, в который он тридцать два года назад удосужился появиться на свет.

На душе с утра было пакостно. Там почти всегда было уныло, а в этот злополучный, лишний в году день особенно. Жена с Днём рождения не поздравила. Впрочем, она ещё спала, когда Лёнька, всухомятку позавтракав, уходил на работу.

Он давно уже перестал отмечать День своего рождения — чего его праздновать, если он случается только раз в четыре года, а обычно — календарём не запланирован?

Ещё в детстве Лёнька с грустью понял, что в его жизни праздников будет меньше, чем у других, и с этим безобразием почти примирился. Допускалось, конечно, что где-то живут люди, также рождённые в дополнительный день, но он, Лёнька, лично таких не встречал, а потому имел все основания обижаться на судьбу и считать себя неудачником по рождению. За редкостью празднований и жена скоро и благополучно забыла День рождения своего мужа.

С утра зарядил совсем не февральский нудный дождь, стремительно пожиривший дряблые и закопчённые городские сугробы. Мутная, будто похмельная, вода с клокотаньем поволокла вдоль тротуаров к засорённым водостокам вытаивающий мусор.

Был обычный четверг. На работе Лёньку поздравления и подарки не ждали тоже. С коллегами он держался замкнуто и уж о Дне своего рождения, понятно, не распространялся. Кадровичка, наверное, знала, но какое ей было дело до техника средней паршивости?

И тут вдруг этот проездной! После дождичка в четверг...

«На все виды! — восхитился Лёнька, вытирая билет о подкладку плаща. — Жаль, месяц кончается».

Лёнькины отношения с кондукторами складывались непросто. На работу ездить приходилось ежедневно, свободных денег никогда не было, и Лёнька быстро освоил тактику бесплатного проезда. Он выбирал троллейбус или автобус пополне и протискивался в раздвижные двери последним. На каждой остановке вываливался с выходящими пассажирами и заходил в другую дверь. Случались и проколы: когда Лёнька натыкался на кондуктора прямо при входе. Тогда он бормотал: «Минуточку, я же только вошёл... Сейчас, сейчас...» И долго шарил по карманам, в надежде, что вот-вот подоспеет следующая остановка, двери откроются и ему удастся выскользнуть безнаказанно. Бывало, Лёнька менял три-четыре троллейбуса, пока добирался до работы.

Иногда неприхотливую Лёнькину память будоражили ставшие полуфантастическими воспоминания: с умильной тоской вспоминались далёкие времена, когда кондукторов не было вовсе, а в салонах троллейбусов стояли кассы. Войти и не опустить монетку в узкую прорезь было стыдно даже пацанам его возраста: казалось, весь салон с упрёком смотрит на тебя. Зато уж если бросил денежку — крути билетов, сколько надо, на всю компанию!

Теперь такого нет. Пропало куда-то, как и надписи с троллейбусных стен типа: «Совесть пассажира — лучший контролёр»... А уклоняться от оплаты проезда становилось всё труднее. Лавиной захлестнувшие город маршрутные такси здорово разгрузили допотопные троллейбусы. Те заполнялись теперь только в «часы пик», а так — полупустыми слонялись по улицам. Но в «маршрутку» без денег не проскочишь.

Денег, как уже говорилось, не было. Скуповатая жена аккуратно отбирала небольшую зарплату до копейки. Нет, конечно, всё это не пускалось по ветру, а тратилось «на хозяйство», но неудачнику мужу наличные не выдавались даже на обед. Вместо этого жена ещё с вечера совала в дерматиновую Лёнькину сумку два бутерброда — с колбасой и сыром, и стальной полулитровый термос с чересчур сладким чаем. Исключением был «трояк» — на сигареты.

И тут вдруг этот проездной! Подарочек ко Дню рождения... А по проходу из салонной глубины уже надвигалась грозовой тучей кондукторша с каменным лицом.

Лёнька, забыв обо всём, метнулся было к закрытой двери и начал судорожно рыться в карманах.

— Оплачиваем проезд, — сердито сказала кондукторша.

Лёнька икнул и наткнулся в кармане на только что найденный проездной билет.

— П-проездной, — всё ещё ожидая подвоха от судьбы, пролепетал он.

Кондукторша повертела в толстых пальцах его бумажку, придирчиво оглядела со всех сторон. Лёньке даже показалось, что она обнюхивает проездной — во всяком случае, при осмотре документа ноздри кондукторши хищно трепетали.

«Сейчас на зуб попробует — и всё!» — захолодело внутри.

Обошлось. Кондукторша вернула проездной и сразу потеряла к Лёньке интерес, лишь напоследок спросила:

— На март приобрести не желаете?

Лёнька яростно замотал головой, а кондукторша зажмурилась, решив, что голова странного пассажира непременно сорвётся с плеч и вылетит в окно.

Лёнька ликовал. Можно было ехать, ничуть не опасаясь, что начнётся скандал и его станут высаживать где-нибудь посреди дороги. Он страшно боялся скандалов, просто скисал — моментально, как молоко в тридцатиградусную жару, — если на него начинали орать. А кондукторы — народ больше крикливый, нервный.

Итак, Лёнька ехал на работу. Вполне законно, как не ездил уже несколько лет. А внутри него уже кто-то настырно и жарко шептал: «Какая работа? Тебе же валит, Лёня! Такая халява бывает, если не раз в жизни, то уж никак не чаще, чем раз в четыре года! У тебя-то, у неудачника...»

Действительно, ведь завтра уже другой месяц... Ах, как несправедлива жизнь!

До работы Лёнька не доехал. Он вышел, пересел на другой троллейбус, идущий в противоположную сторону. Проехав несколько остановок, снова пересел и поехал ещё куда-то. Его понесло.

Сначала он выбрал самый длинный городской маршрут, но, покатавшись часа три, понял свою ошибку. Какой же интерес в том, чтобы, имея в кармане проездной, не предъявлять его каждые десять минут? Да и кондукторы перестали обращать на Лёньку внимание — примелькался.

Он стал ездить во всех направлениях.

Ну есть, есть в этом особая прелесть: спокойно войти в салон, без суеты занять лучшее место и лишь потом небрежно бросить в сторону кондуктора: «Проездной».

Или, наоборот, спрятаться за других пассажиров и, когда бдительная кондукторша протолкается к тебе сквозь гранитные плечи и спины, принять испуганный вид и долго выворачивать карманы, перебирая всякую мелочь. А как только скандальные кондукторские губы сложатся в иерихонскую трубу, чтобы поднять тревогу — сунуть ей к самому носу законный свой билет!..

Ах, как Лёнька мстил им за долгие годы унижений, когда он трепещущим зайцем, на перекладных, вынужден был каждый день пробираться на службу, чтобы заработать свой кусок хлеба! Он упивался мстостью, придумывая всё новые и новые издевательства над работниками городского транспорта. И всё — законно! Надёжней любого адвоката защищал Лёньку проездной билет!..

Он ездил целый день: доезжал до перекрёстка и менял троллейбус на трамвай, из трамвая пересаживался в автобус — проездной-то на все виды! Лёнька галантно уступал место старушкам и женщинам, сажал к себе на колени чужих детей: весело агукал с малышкой и рассказывал сказки (оказалось, он помнил все бабушкины сказки!) ребятам постарше. Он даже пытался руководить салонным коллективом — кому где стоять, кому куда сесть, — за что его чуть не побили. Но всё равно Лёнька был счастлив. Он чувствовал себя человеком!

К полуночи не осталось в городе остановки, где сегодня не побывал Лёнька. Не было ни одного вагона трамвая, троллейбуса или автобуса, который, отправляясь на покой в парк, не уносил бы с собой частичку Лёнькиного восторга.

Проездной был использован «на всю катушку»!..

Дверь ему открыла заплаканная жена. Увидев растерзанное и утомлённое тело мужа, его невидящие глаза, полные запредельного счастья, она робко спросила:

— Ты где был? Я ждала-ждала...

— У меня проездной, — туманно пояснил Лёнька и прошёл мимо празднично накрытого стола в спальню.

Жена отважилась на цыпочках войти следом лишь десять минут спустя.

— Лёничка, — жалобно позвала она, присев на край кровати. — Ты мне изменил, да?

Лёнька спал поверх покрывала, широко разбросав руки и свесив с кровати тощие ноги.

Жена осторожно наклонилась над ним, принюхиваясь:

— Вроде трезвый, — она накрыла мужа пледом и тяжело вздохнула: — С Днём рождения, горе ты моё!..

Утром первого марта Лёнька стоял на остановке, всматриваясь в подъезжающий троллейбус и пытаясь угадать: в какую дверь входить, чтобы не напороться на кондуктора; и придумывал, как оправдаться за прогул.

Март 2004 г.

ЕГИПТЯНКА

Рассказ

— Жизнь, ребяташки порой так вывернет, что диву даёшься, — говорил Семёныч, обращаясь к нам, молодым сотрудникам, вернувшимся в гостиничный номер под утро.

Был он человеком, по нашим меркам, пожилым — за сорок, тогда как любой из нас не дорос ещё до двадцати пяти. В совместную командировку мы попали впервые и мало чего о Семёныче знали, но прислушивались и не спорили, когда это не задевало обострённого молодостью максимализма.

— Я, когда помоложе, тоже прыток был, — продолжал Семёныч, а мы развешивали уши, догадываясь, что читать нравоучения нам никто не собирается. — Тоже с ветки на ветку чижиком скакал и не ждал от судьбы окорота. Даже за границей бывал. Один раз, но мне и того хватило. В Египет сподобился — это вам не Польша-Венгрия, экзотика сплошная. Нет, не тогда, когда мы им дружественную помощь оказывали, а уже потом, когда туда на солнышке погреться ездить стали, вроде как раньше в Крым.

Длинным рублём я к тому времени закарманился лет на двадцать вперёд: двенадцать годков в Нижневартовске нефть качал, полным бирюком жил. Надоело, уволился и рванул к арабам. Полежу, думаю, на горячем печочке, жизнь дальнейшую спланирую.

Прелести египтянские описывать не буду: пальмы там, верблюды, бары, казино — это понятно, теперь, считай, каждый туда два раза в год мотануть может... Наши-то, конечно, и при социализме в африках встречались, только редко... Я вам, как планида моя в том Египте круто изогнулась, расскажу.

Казак я был вольный: ни семьи, ни друзей особых, при деньгах, хоть и не миллионер. Погулять тоже не дурак был — компания, вино, девчонки. Но то здесь, на родине, а там — хожу идиотом, тарабарщины ихней не понимаю, красоты туземные уже обрыдли. В общем, провалялся у моря две недели и затосковал, домой захотелось... А на пляже там, ребятки, ох, не затамиться — грех. Девки хороши — аж зубы сводит! Нет, арабеско-то египетских там не увидишь, а вот любые шведки-германки — это, пожалуйста! Ноги километровые, груди голые, остальное тоже... На живот поворачивайся и глаза за тёмными очками зажмуривай — только так от конфуза спасёшься.

Не выдержал я: в последний вечер коньяку полбутылки выдул, иду к дежурному администратору... Это у нас в гостиницах одни бабы работают, у них — только мужики.

Объяснил ему руками, как сумел: нужна, мол, женщина на ночь. Сам глаза прячу: неловко мне какому-то арабу нужды свои — вполне естественные

кстати, — излагать. А он, подлец, скалится белозубо, усишки свои топорщит и почти по-русски, как, к примеру, нанаяц смог бы, отвечает: «Сию секунду».

Может, и послышалось мне, согласен, только он руками замахал, и подошли к нам четверо таких же чумазых. Заворковали по-своему — вроде как, впечатлениями делятся. Стою болваном, слушаю, как они мою личную жизнь обсуждают. Хотел уже плюнуть и идти коньяк допивать, как один из них, в кепке и с фиксой во рту, за рукав меня хватает и тащит куда-то в угол.

Там, в потёмках, на стуле сидит ну совсем девчонка, в платки арабско-национальные закутанная, росточком мелкая, глаза большущие, испуганные.

Этот в кепке велит ей платки разматывать, и... Какая ж красота, ребята, глазам моим явилась!.. Шахиня!.. Чурек этот по имени её звал, только я не понял и про себя назвал Шахерезадой. Сашкой, значит... Девчонкой это она сперва показалась, а тут... Нет, словами я вам рассказать не сумею... В общем, не устоял я.

Арабский сводник с меня двадцать долларов требовал... У них доллары уже тогда ходили, задолго до нас. Я ещё удивился: дешёво...

История казалась нам забавной, мы подталкивали друг друга, перемигивались, цокали языками, выражая восхищение старшим товарищем, но его не перебивали.

— Ну понятно, случайная связь — непрочная, стыдная, — продолжал Семёныч, не очень-то обращая внимание на наши ужимки. — Утром говорю ей: «Иди домой». А она снова в платки запаковалась, сидит меня глазами ест. Не понимает, вижу. Беру за руку — нежно беру — и вывожу в коридор. Она — в слёзы, лопочет что-то, обратно ко мне в номер рвётся. Может, денег просит? Даю — не берёт. Дела! Нет, думаю, так не пойдёт. Спустился в холл. А мой дежурный уже вахту отстоял — домой намылился. Поймал я его в дверях.

«Что же это, — говорю, — делается? Забирайте свою девчонку назад, нечего провокации устраивать!» Чёрный этот опять лыбится, руками разводит: не знаю, дескать, ничего. Я его за грудки: «Веди, — говорю, — к фиксатому, я ему морду-то подрихтую!» А тот уже сам, как чёртик, откуда-то из подсобки выскочил. Глаз из-под кепки жмурит, жестами спрашивает: «Что, девочка не понравилась?» — «Понравилась, — говорю, — очень даже хорошая девочка. Уведите только её из номера моего, я же сполна расплатился». А он... Сперва я тоже не поверил, точнее, не услышал как бы... Так вот, он мне показывает: «Деньги платил — девчонка твоя». Я ему: «Дела мы с ней все поделали, спасибо, забирайте». Не хочет, злится уже... Долго мы с ним друг на дружку слюнями плевались, дошло бы и до драки, если бы какой-то из наших не оттащил меня и суть вопроса не растолковал.

Да-а... Такие вот у них нравы диковатые. Детей понаражают, а кормить-то их чем? Мальчики ещё куда ни шло, а вот девок за людей там не держат. Нет, они, конечно, подрастают, в своём обычае воспитают. Но когда со жратвой совсем туго станет, натурально торгуют женщинами! Не во временное пользование — насовсем... А я-то думал, мне досталась жрица, так сказать, продажной любви!

Семёныч коротко потёр ладонью лысеющий лоб, отхлебнул остывшего чаю и продолжил:

— Я тогда, откровенно скажу, струхнул малость. «Прогоню, — думаю, — и дела мне до этой египтянки нету». Но тот, который наш, обрисовал перспективу её дальнейшую: обратно девчонку не примут даже за деньги, даже в прислуги не возьмут, и будет себя продавать по кабакам, пока не убьют или не изуродуют... Короче, пропала живая душа, и я к этому руку приложил.

Ох, как мне, ребята, захотелось домой, в Нижневартовск — вкалывать с утра до утра, жить без удобств, только бы не приезжать никогда в этот чёртов Египет! И, говорю я вам, сбежал бы малодушно, если бы ещё разок в глаза ей не посмотрел...

Да что тут... Привёз я эту проблему заморскую в Россию. Заместо багажа вроде. Денег это, конечно, стоило, но дело не в этом. Осесть решил в вашем городе... Хороший городишко — тихий, зелёный. Ну, квартиру купил двухкомнатную, на службу непыльную, но хлебную пристроился — живу себе. Сашка у меня вроде служанки так и осталась.

С работы прихожу — в доме чистенько, наложница моя на коленях, тапочки мне надевает, к столу накрытому за ручку ведёт... Готовка — язык проглотишь! Сама за спиной стоит, прислуживает. Я ей: «Сашка, сядь поешь». Пристроится на уголку, поклюёт — чисто птичка. И опять на меня глазами бездонными смотрит. Мужик-то что надо? Почёт и уважение ему надо. И чтоб в дела его не лезли. И уют в дому. Ну и, конечно... это...

Словом, живу как падишах на каникулах. Только замечаю: домой меня тянет после работы, будто пружина калёная сжимается туже и туже. И Сашка, вижу, ко мне тянется. А оттого всё краше делается. Каждую минутку видеть её хочется, как о ней подумаю — такая в груди пустота ёкает, словно на самолёте — в яму...

Семёныч вдруг замолчал, зашмыгал носом, сделал вид, что поперхнулся чаем, потянулся за сигаретами. Закуривая, исподлобья быстро взглянул в нашу сторону.

— Вот так и присушила она меня, ребятки, египтяночка моя, — Семёныч вздохнул, всем видом показывая, что разговор окончен, что он и сам удивлён вдруг нахлынувшей откровенностью, отвернулся, будто и не рассказывал ничего вовсе.

Мы верили и не верили: очень уж неправдоподобной казалась эта история. Хотя... как знать. В любом случае конца её мы так и не услышали, но знать его хотели непременно, и, как только Семёныч вернулся из душа, навалились на него с расспросами.

— А чего ещё-то? — вроде удивился Семёныч. — Я и говорю: никогда не ведаешь, где судьбу найдёшь. Так что вы, молодёжь, гуляйте пока. А судьба, она сама, когда встретится, — вцепится и не отпустит, за собой потащит... И не сделаешь ничего.

Помолчав немного, Семёныч добавил:

— А мы-то с Сашенькой? Живём. Она мне таких пацанов народила!.. Старший школу уже заканчивает... Вот только по-русски так толком и не выучилась. Да беда ли? Мы и без слов друг друга понимаем, потому что — любовь...

Июль 2004 г.